

ТЕМА: ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ.

1. Германистика.
2. Франковедение.

Состояние и проблемы германистики. История Германии в первый период нового времени изучена в отечественной науке лишь выборочно. Практически вне поля зрения остался XVII век, нет значительных работ и по эпохе просвещенного абсолютизма XVIII века. Единственным крупным произведением остается обобщающая книга А. Д. Эпштейна "История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года" (М., 1961). Там подчеркнута своеобразие исторического развития Германии, связанное с четырьмя основными проблемами - сущность первоначального накопления в Германии, специфика процесса классовобразования буржуазии, особое социальное содержание ранней немецкой революции XVI века и неустойчивость позиции немецкого бюргерства. Германия, по мнению автора, стала колыбелью зародышевых форм капиталистического производства, но после поражения раннебуржуазной революции процесс первоначального накопления оказался насильственно прерванным. Дальнейшее капиталистическое развитие происходило скрыто, под покровом окостеневших форм раннего капитализма. Поэтому, развитие Германии шло замедленным эволюционным путем. Консервацию производства в Германии на стадии рассеянной капиталистической мануфактуры и надомного труда еще ранее показал С. Б. Кан на примере силезских текстильных промыслов. Он подчеркнул, что в Германии быстрый экономический подъем второй половины XIX века был подготовлен длительной стадией мануфактурного производства, а потому нельзя считать, что промышленность предреволюционной Германии оставалась чисто ремесленной и средневековой.

Во втором периоде новой истории внимание исследователей привлекали две проблемы - немецкое рабочее и социалистическое движение и внешняя политика кайзеровской империи. Наибольшее количество работ создано по рабочему движению начала XX века. К их достоинствам относится большой и ценный фактический материал, в совокупности дающий детальную картину положения немецкого пролетариата и политического курса германской социал-демократии. Однако, исключительно негативная и односторонняя оценка, даваемая всеми авторами взглядам Э. Бернштейна, К. Каутского, подъему реформизма вообще, нежелание разглядеть какое бы то ни было рациональное и здоровое ядро столь сложного явления как центризм не только обедняли общую панораму, но и приводили к искаженным выводам. Разведение реформистских лидеров социал-демократии и ортодоксальных марксистов,

критика левых сил за то, что они не сумели, по примеру большевиков, "до конца разделаться с реформизмом и центризмом", этой "оппортунистической агентурой" реакции в рабочем движении, абсолютная нетерпимость к любым отклонениям от ортодоксального марксизма - характерные черты этих работ. Так, объявив взгляды Бернштейна "реакцией империализма в области идеологии", Н. Е. Овча-ренко подчеркнул вредность и несостоятельность идеи парламентарной демократии для рабочего движения, которая де "духовно развращала" немецкий пролетариат. Автор напрочь отменил, правомерное суждение Бернштейна о том, что как учение о будущем, которого еще нет, научный социализм лишен строго научных доказательств и несет в себе черты идеализма.

В работах, посвященных внешней политике кайзеровской империи, заметно определенное преувеличение степени ее агрессивности, что обосновывалось ленинской теорией империализма, согласно которой Германия неизбежно должна была развязать войну за передел мира. Началось это преувеличение с книги А. С. Ерусалимского, тщательного (хотя автор не использовал немецкие неопубликованные архивные документы) исследования германской внешней политики в последние годы XIX века. Автор разглядел неожиданные переплетения континентальных и колониалистских линий немецкого внешнеполитического курса, руководители которого зачастую не предвидели совершенно неожиданных последствий такой политики и увязали в паутине созданных ими же самими, но затем вышедших из-под их контроля, обстоятельств. Было ли это результатом только объективного хода истории, или же объяснялось в какой-то мере недалекостью имперского руководства и отсутствием такого выдающегося мастера дипломатии, каким являлся Бисмарк? Решить эту проблему А. С. Ерусалимский попытался в последней, оставшейся незаконченной книге о Бисмарке. В ней выявлены зародыши мировой политики Германии в недрах еще европейского, оставшегося в целом континентальным, внешнего курса канцлера. Осветив взаимоотношения Бисмарка и одного из руководителей генштаба Вальдерзее, автор затронул проблему возрастания роли милитаризма во всей системе рейха и показал, что хотя Бисмарк всегда опирался на учет реальной расстановки сил в Европе и противодействовал воинственному пылу "полубогов" из генерального штаба, его политика, основанная на перманентном использовании военных угроз, не могла не привести к переходу инициативы в руки военщины. Вместе с тем автор был весьма далек от того, чтобы рассматривать германский милитаризм лишь в национальном ракурсе, вне прямой связи с питавшей его общеевропейской реакцией.

По-новому осмыслить роль и место Бисмарка в немецкой и европейской истории попытался В. В. Чубинский. Особо выделив изолированность Бисмарка и бонапартистский характер его режима, автор слишком односторонне и категорично подчеркнул консерватизм и контрреволюционность своего героя. Однако не следует забывать, что до создания единой Германии, осуществленного насильственно-радикальным

способом, Бисмарк вовсе не был приверженцем прусского консерватизма, а, наоборот, находился с ним в остром конфликте и даже не боялся идти на союз с революционными силами (лассальянством) и демократические реформы наподобие введения всеобщего избирательного права. В книге же, из двух Бисмарков - "прусского революционера сверху", и юнкерского реакционера и консерватора - по сути, явно доминирует только второй.

Отечественная литература о Бисмарке посвящена в основном его внешней политике. Что касается политики внутренней, то она осталась практически неисследованной. Лишь в 1992 г. появилась книга С. В. Оболенской, где показана внутренняя политика Бисмарка, его поворот в 1877-1879 гг. от опоры на либералов к авторитарно-консервативному курсу, имевшему тяжелые последствия для империи.

Экспансионистские устремления Германии на Ближнем Востоке в конце XIX - начале XX века показаны в обобщающих работах А. С. Силина. На примере военной миссии фон дер Гольца автор подробно раскрыл проникновение Германии в Османскую империю сначала в форме военного сотрудничества и поставок оружия, затем - железнодорожного строительства, ставшего одним из важнейших начинаний немецкой тяжелой промышленности. Накануне войны, как подчеркнул автор, резко возросло военно-политическое давление Германии на Турцию, ставшую ареной деятельности многих немецких финансовых и промышленных групп. Отметив, что британский и французский капитал имели в Турции более сильные позиции, чем немецкий, Силин показал, что это компенсировалось для Германии ее определяющим влиянием на турецкую армию и правящую верхушку во главе с султаном.

Германская экспансия в Юго-Восточной Европе освещена в книгах Б. М. Туполева. Ее основой служил вывоз промышленного и ссудного капитала, прежде всего, в Австро-Венгрию и Румынию, попавших в явную финансово-экономическую зависимость от кайзеровской империи. Однако, в Румынии, поглотившей около половины немецких инвестиций на Балканах, существовали, по заключению автора, и растущие антигерманские тенденции. Расширив сферу исследований на регионы Восточной Африки и Индийского океана, Туполев отметил, что в немецкой экспансии сложились два направления - прямо аннексионистское, объединившее юнкерство и магнатов рейнско-вестфальской тяжелой индустрии, и экономическое, предпочитавшее мирные методы экспансии и представленное крупными банками, химическими и электротехническими компаниями. Использование отечественных и немецких архивов позволило автору дать обстоятельную картину экономических аспектов германской экспансии. Но вне поля его зрения осталась позиция политических партий империи, их отношение к колониальным вопросам. Автор лишь коротко отметил сугубую реакционность бюловского блока 1907 г., не учитывая, что это была попытка проведения комбинированной консервативно-либеральной политики в интересах осуществления ряда социально-политических реформ.

Ноябрьская революция и первые годы существования Веймарской республики еще с 20-х гг. стали одним из наиболее разрабатываемых в советской науке сюжетов. Часть ученых выразила сомнение в непререкаемом прежде тезисе "Краткого курса истории ВКП(б)" о революции как буржуазной по характеру и указала на демократическую ее тенденцию. Широкая дискуссия, проведенная в 1956-1958 гг., закончилась тем, что большинство участников согласилось, что германская революция - это революция буржуазно-демократическая, проведенная, в известной степени, пролетарскими средствами и методами. Наиболее обстоятельно обосновано это было в работах Я. С. Драбкина. Однако сама революция в соответствии с укоренившейся традицией считалась законченной в январе 1919 г., когда кардинальный ее вопрос - власть Советам или Учредительному Национальному собранию - был решен в пользу последнего. Лишь в ходе дальнейших исследований, в частности в новой книге Драбкина было подчеркнуто, что события весны - лета 1919 г. также составляют, хотя и особую, но неотъемлемую часть общего хода революции. Проследив основные вехи от подготовки конституции и первых шагов Национального собрания до принятия конституции, автор пришел к выводу, что хотя это была самая демократичная для того времени политическая система, ее слабость заключалась в том, что реальные рычаги власти оказались в руках не народа, как декларировала это конституция, а глубоко враждебных демократии политических и экономических слоев общества.

Кризис 1923 г. исследован в монографиях Д. С. Давидовича и М. И. Орловой. В первой основное внимание уделено восстанию в Гамбурге, во второй - проблема кризиса рассмотрена в более широком контексте политики компартии Германии того периода. Авторы возложили ответственность за поражение компартии осенью 1923 г. в основном на реформизм лидеров СДПГ, хотя (особенно М. И. Орлова) не отрицали весьма значительных ошибок руководства КПП, стремившегося по решению Коминтерна достичь власти путем "революционного скачка". Но ошибки компартии ставились на задний план, в них не усматривалась главная причина поражения. Авторы напрочь отвергли тезис об инспирировании гамбургского восстания из Москвы, где не учитывали расстановки сил в Германии и, по сути, решениями ИККИ в августе того года обязали КПП начать в стране коммунистическую революцию, вылившуюся на деле в путч, который, по убедительным данным историков ФРГ, не поддержали даже пролетарские массы Гамбурга. Это было еще одним доказательством явного расхождения между концепцией мировой революции и реалиями исторического процесса.

В содержательной и богатой материалом книге Л. И. Гинцберга курс компартии в 1929-1933 гг. подавался в явно приукрашенном виде, что позднее признал и сам автор. Хотя он привел ряд примеров тяжелых ошибок и упущений в политике КПП, все они должны были непременно компенсироваться подчеркиванием ее выдающихся достижений, героизма в защите интересов народных масс. Главная ответственность за приход Гитлера к власти возлагалась, кроме, естественно, монополистического

капитала, на руководство СДПГ, вина же коммунистов отходила далеко на задний план, в итоге чего историческая картина оказывалась существенно деформированной.

Наиболее фундаментальным исследованием национал-социализма остается книга А. А. Галкина "Германский фашизм" (М., 1967; Изд.2-е, доп. - 1989), представляющая историко-социологический анализ проблем генезиса, социологии, экономики, политики и идеологии фашизма. Однако автор недооценил относительную автономность германского национал-социализма, трактуя его, прежде всего, как детище капиталистического строя XX века и считая, что нельзя его интерпретировать как выражение вневременного патологического проявления иррациональности в человеческой психологии. С этим связано и то, что Галкин уделил значительно меньше места идеологии национал-социализма, чем социально-экономическим и политическим аспектам его истории.

Работы по истории ГДР написаны в явно апологетическом стиле, наиболее отчетливо проступившем в обобщающей "Истории Германской Демократической Республики" (М., 1979), все идеи которой сводились к доказательству "превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической". Поэтому, почти вся литература по истории ГДР является не столько строго научной, сколько политико-пропагандистской.

Более разнообразной предстает литература по истории ФРГ, хотя и в ней нет недостатка в работах подчеркнута разоблачительского характера. Более всего исследованы вопросы рабочего движения и внешней политики ФРГ. Можно особо выделить книгу В. П. Иерусалимского, где дана не традиционная проблематика организованного рабочего движения, а социально-психологический портрет рабочих Федеративной республики. Портрет этот не идеализирован, объекту исследования не приписываются желаемые качества. Автор по-новому трактует известную идею "социального партнерства", которая обычно изображалась как сплошь соглашательская установка. Иерусалимский, наоборот, подчеркнул неоднозначность этого явления, в котором объединены представления как о гармонии, так и о конфликте различных социальных интересов. Любопытен собранный в книге материал о социальной базе и электорате политических партий ФРГ, о механизме взаимодействия партийных аппаратов с массой рядовых членов, о различных типах политического сознания рабочих.

Оценивая состояние германистики в целом, следует констатировать ряд накопившихся проблем. За последние годы не было фундаментальных научных исследований истории Германии нового времени, которая почти полностью заброшена. Новейшие проблемы в основном освещаются в политической публицистике и популярной литературе, проигнорирован богатейший позитивный опыт исторической науки ФРГ. Неисследованными остаются пока ключевые моменты истории Германии - эпоха Тридцатилетней войны, революция 1848-1849 гг., промышленный переворот и формирование буржуазии и пролетариата, революция сверху и эпоха Бисмарка, проблемы немецкого консерватизма и либерализма, идеология

национал-социализма, проблема раскола Германии, кризисы и противоречия в развитии ГДР, исторические связи России и Германии.

Франковедение. Франковедение - одна из наиболее развитых отраслей отечественной исторической науки в сфере изучения всеобщей истории. Победа Октябрьской революции и утверждение господства марксистско-ленинской историографии дали дополнительный стимул к изучению истории Франции. Великая французская революция конца XVIII в., революции 1830 и 1848 гг., Парижская Коммуна 1871 г., сильное социалистическое движение, а затем деятельность одной из влиятельнейших зарубежных компартий - представлялись образцовым выражением классовой борьбы.

В послевоенные десятилетия в этой области работали многие историки высокого международного уровня, чьи работы получили широкое научное признание и переводились за рубежом: В. П. Волгин, Б. Ф. Поршнев, А. З. Манфред, В. М. Далин, А. Д. Люблинская, А. В. Адо. Притягательным центром для исследователей стала неформальная группа по изучению истории Франции при Институте истории АН СССР, основанная в 1956 г. Авторитетное периодическое издание "Французский ежегодник" (1958-1988) сыграло немалую роль в изучении истории Франции и расширении советско-французского научного сотрудничества. Определенным итогом многолетнего изучения был выход в свет первого в отечественной литературе сводного труда по истории Франции. Он охватывал всю историю страны от галльских времен до 1970-х гг.

Для советской историографии тема Великой французской революции традиционно была одной из главных. Концепция Французской революции, доминировавшая в литературе в послевоенные годы вплоть до 70-80-х годов, в целом шла в русле "классической" интерпретации. Французская революция - буржуазная по своему содержанию, но решающая роль, сыгранная народом, подняла ее над другими буржуазными революциями, дала основание называть ее великой. Революция трактовалась не просто как буржуазная, а как буржуазно-демократическая, так как в ней активное участие приняли народные массы. Она расчистила путь для развития капиталистических отношений. В центре исследований находились наиболее радикальные течения и идеи. Особое внимание привлекала история якобинского периода революции. Он оценивался, как высший этап революции, когда было завершено уничтожение старого порядка в аграрном строе и отбита иностранная интервенция. В освещении деятельности якобинцев особенно заметны аналогии с Октябрьской революцией. Эти идеи особенно рельефно представлены в работах выдающегося специалиста по истории революции **А. З. Манфреда** (1906-1976) в его обобщающих работах по истории революции и биографических очерках о Робеспьере, Марате, Мирабо, В. С. Алексеева-Попова о проблемах установления якобинской диктатуры, Я. М. Захера о группировках "бешеных", в статьях А. Л. Нарочницкого о внешней политике революционной Франции.

В конце 60-х - 70-х годах развернулась оживленная дискуссия о характере якобинизма. Согласно точке зрения Манфреда якобинская власть опиралась

на широкий блок от буржуазии до плебейства включительно. С последним связано возникновение эгалитарных, порой антибуржуазных тенденций. Ей противостояла концепция В. Г. Ревуненкова, согласно которой во Франции в 1793-1794 гг. сложилось своеобразное двоевластие - диктатура революционной буржуазии, воплощенная в якобинском Конвенте и правительственных учреждениях, и зачатки революционно-демократической диктатуры народных низов, воплощенные в Коммуне Парижа и ее секциях, подлинном авангарде народа.

А. В. Адо (1928-1995) на основе изучения материалов французских архивов, предпринял успешную попытку дать целостную картину крестьянского движения в ходе революции. Это движение было осмыслено в связи с общей историей революции, был подвергнут критике тезис об "автономном", а тем более консервативном характере крестьянского движения. Концепция автора - это концепция крестьянского движения в революции с точки зрения борьбы различных тенденций становления капиталистических отношений. В работе, вышедшей в 1987 г. А. В. Адо пересмотрел некоторые положения о роли крестьянства в революции. Он по-прежнему считал крестьянство радикальной движущей силой революции, однако, он уточнил, что положение об автономном характере крестьянского движения, против которого он выступал ранее, имеет реальную основу.

В середине 1980-х гг. началось изучение и социальных верхов общества в революции - буржуазии и дворянства. В серии опубликована коллективная монография, посвященная изучению социального облика и генезису сознания буржуазии. К совершенно новой для отечественной историографии теме относится исследование Л. А. Пименовой "Дворянство накануне Великой французской революции" (1986). Автор, применяя современные методы количественных подсчетов и приемы лингвистического анализа, рассматривает дворянство как устойчивую и вместе с тем сложную и противоречивую социально-классовую структуру. С одной стороны, второе сословие отстаивало свои привилегии, с другой, обуржуазившаяся часть дворян уже приобщилась к идеям и культуре Просвещения.

Завершает серию книга В. П. Смирнова и В. С. Посконина с необычным ракурсом исследования - "Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789-1989" (1991). Авторы показывают как изменялось понимание традиций в восприятии сменяющихся поколений французов и политических сил Франции на протяжении двух столетий. Книга содержит интереснейший материал о символах революции (флаг, гимн, праздники и т.д.).

Значителен вклад исследователей в изучение социальных идей периода революции. Дальнейшее развитие получило творчество **В. П. Волгина** (1879-1963) - ведущего историка в этой области. Он изучал французское Просвещение и коммунистические идеи того времени (Мелье, Морелли, Мабли и т.д.), первым предложил принципы классификации утопической мысли и сумел рельефно передать внутреннюю логику системы воззрений ее важнейших представителей, В. П. Волгиным была предпринята известная

публикация "Предшественники научного социализма". Разумеется, работа исследователей в этой области шла в русле освоения наследства "предшественников" изучения одной из исходных вех на пути, приведшем к "единственно верному учению" научного коммунизма.

Важным звеном в изучении коммунистических идей в годы революции была тема Бабефа и бабувизма. Наиболее подробное ее исследование было проведено вернувшимся из ссылки видным историком **В. М. Далиным** (1902-1985). Его капитальная монография "Граф Бабеф накануне и во время Великой французской революции" (1983) основана на материалах архива Бабефа, приобретенного ИМЭЛ еще в 20-х годах. Оппонируя многим своим предшественникам, автор стремился доказать, что истоки идейных воззрений Бабефа не ограничивались аграрным эгалитаризмом, но были порождены тенденциями капиталистического развития. Далин также считал, что не коммунистические распределительные устремления, а принципы обобществления производства доминировали во взглядах Бабефа. Руководитель "Заговора во имя равенства" представал как непосредственный предтеча научного коммунизма.

Исследования, созданные в первые послевоенные десятилетия существенно обогатили знания о французской революции. В то же время условия, в которых проходило развитие советской исторической науки, и формировавшееся на этой почве мышление приводили к тому, что осмысление и сам выбор проблематики исследований нередко исходил из требований идеологических доктрин. Отсюда стремление мерить французскую революцию эталонами Октября 1917 г., выдвижение тезиса о "буржуазной ограниченности" французской революции. Превалировала тенденция к абсолютизации феномена революции как высшей ценности. Революционная идеология, положенная в основу исторических оценок, вела к оправданию террора в годы якобинской диктатуры, абсолютизации плебейских методов борьбы. Чрезмерное внимание к коммунистическим доктринам вела к преувеличению их влияния.

Вокруг центральных проблем французской революции 1789-1799 гг. находится ряд непосредственно примыкающих к ней тем, изучение которых способствует уяснению социально-экономических и идейных предпосылок революции и ее ближайших последствий. Важнейшие из них - нарастающий кризис абсолютизма XVII-XVIII вв., Просвещение, наполеоновская эпоха. Книга известного историка **Б. Ф. Поршнева** (1905-1972) "Народные восстания перед Фрондой (1623-1648)" (1948), посвященная анализу политического строя переходной эпохи к абсолютизму, стала крупным историографическим явлением, вызвала дискуссию в отечественной и зарубежной историографии. Как бы ни оспаривались ее отдельные положения, неоспоримой заслугой Поршнева было выведение из забвения историков народных движений XVII в. Спор же шел, прежде всего, о сути французского абсолютизма. Поршнева акцентировал внимание на его дворянском характере и видел в его укреплении защиту феодалов от растущих народных движений. С. Д. Сказкин и А. Д. Люблинская склонны

были подчеркивать прогрессивную роль абсолютизма, его связи с буржуазным развитием страны. Спор шел и по вопросу о характере Фронды, ибо Поршневу выдвигал идею, что эта была неудавшаяся буржуазная революция. Данную точку зрения отклонили В.Н. Малов, Е.М. Кожокин. Эти дискуссии привлекли внимание к генезису общественного строя Франции и кризису абсолютистского государства в XVIII в.

В области историографии Просвещения доминирующими оставались работы В. П. Волгина, исследовавшего идеи крупнейших ее представителей в сферах социально-политической и экономической мысли. Для них характерна слишком жесткой привязка тех или иных положений их мировоззрений к социальной почве. Взгляд на Просвещение как на "буржуазную идеологию" представляется слишком узким. После Волгина тема Просвещения не исчезла из историографии. О Вольтере и Руссо появились глубокие специальные исследования. Весьма ценна публикация А. Д. Люблинской (с обширными комментариями) "История энциклопедии Дидро и Д'Аламбера" (1978). Историком Л. С. Гордоном обращено внимание на просветителей второго ряда, примыкавшие к левому крылу (Лабомель, Дюлоран, Тгофень и др.). Утопическо-коммунистический аспект Просвещения исследовался Г. С. Кучеренко. Внимание привлекли взгляды таких влиятельных и оригинальных мыслителей как Кондорсе, Барнав, Вольней.

Еще одним сюжетом, тесно связанным с Французской революцией, является история наполеоновской эпохи. Центральным историографическим событием в изучении наполеоновской Франции явилась книга А. З. Манфреда "Наполеон Бонапарт" (1971). Автор стремился дать более "диалектическое", в развитии, всестороннее (сравнительно с классическим трудом Е. В. Тарле) прочтение личности и деятельности Наполеона как "сына французской революции", выявить его эволюцию от Бонапарта - якобинца в 1793 г. - до императора Наполеона. Изучению социальных, политических и идеологических предпосылок бонапартизма посвящены книги Д. М. Туган-Барановского, внешнеполитической истории этого времени - работы В. Г. Сироткина и Е. И. Федосовой.

Масштабы и глубина изучения революции 1830 г. и даже 1848 г. несопоставимы с исследованиями по истории Французской революции конца XVII-XVIII вв. В первое послевоенное десятилетие революция 1848 г. еще привлекала определенное внимание историков, отчасти этому способствовало ее 100-летие. В вышедшем в 1952 г. обширном коллективном труде "Революции 1848-1849 гг." подводился итог публикациям предшествующего времени. Центральное место в издании естественно занимало освещение революции во Франции и Германии. В последующем внимание к теме французского 1848 г. упало.

Одним из существенных сюжетов франковедения являлась социально-экономическая история. Определилось несколько ее аспектов. При изучении периода XVII-XVIII вв. в центре внимания оказался вопрос о развитии капиталистического уклада в сельском хозяйстве и соотношений его с

феодалными отношениями. Расхождения исследователей обнаружались в оценке степени и значимости того и другого и наиболее определенно проявились в работах А. Д. Люблинской и А. В. Адо. Люблинская настаивала на более раннем становлении фермерства и капиталистического уклада (опираясь, прежде всего, на материалы относящиеся к развитым регионам: Парижскому району и Северной Франции) и не придавала особого значения феодальным структурам. А. В. Адо, отмечая, что в ряде районов Франции определился путь, близкий к английскому варианту капиталистической аграрной эволюции, датирует зарождение элементов капиталистического уклада в деревне более поздним временем, концом XVII - началом XVIII вв. и подчеркивает значимость и цепкость феодальных порядков. Серия открывается вторым изданием труда А. В. Адо "Крестьяне и Великая французская революция" (1987). Оно было не просто переизданием прежнего исследования, помимо использования новых архивных материалов, автор в свете новых научных данных уточнил ряд прежних своих положений. Так, он скорректировал свой прежний взгляд на дореволюционное развитие капиталистического уклада во французской деревне, отнес его складывание к более раннему периоду (к XVII в.), что вело к выводу - к началу революции старые феодальные порядки в определенной мере были ослаблены. Адо уже говорит не о феодальном строе в целом, а о том, что осталось от феодального строя.

Еще одной важной областью социально-экономической истории является тема промышленного переворота. Пионерская роль здесь принадлежит двухтомной монографии **Ф. В. Потемкина** (1895-1973) - итогу почти 45-летнего труда ученого. Хотя автор не успел вполне завершить свой труд, но в целом им дана детальная картина промышленной революции от ее начала со времен революции 1789 г. до завершения в ведущих отраслях к 1870 г. и происшедших социальных сдвигах. В конце 80-х годов к этой теме обратился А. В. Ревякин. Главное в его подходе - отказ от широко принятого признания английской модели промышленного переворота (с такими элементами первоначального накопления как экспроприация крестьянства, образование крупных земельных поместий и т. д.) эталоном и для других стран. Рассматривая промышленный переворот во Франции, автор подчеркивает его особенности, уходившие корнями в аграрную и мануфактурную сферу (устойчивость мелких крестьянских хозяйств и капиталистической мануфактуры и т. д.).

История рабочего и социалистического движения вместе с идеями утопического коммунизма занимала обширное место в историографии этого времени. В сфере интересов были проекты крупнейших утопистов первой половины XIX в. Сен-Симона и Фурье. Последователи Волгина - А. Р. Иоаннисян, И. И. Зильберфарб, Г. С. Кучеренко, провели документированные исследования их идейных принципов на базе французских архивов. Итоговыми в этой области являются работы А. Р. Иоаннисяна, посвященные малоизученным страницам истории левого крыла социалистической мысли Франции 40-х годов XIX в.

Развитие парижского пролетариата, судьбы прудонизма и бланкизма в эпоху Второй империи представлены в монографии Э. А. Желубовской, в которой одновременно рассматривается предыстория Парижской Коммуны. Сама Коммуна изучалась в разных аспектах: Коммуна и Интернационал, отношение к Коммуне демократической общественности в ведущих европейских странах, культура в дни Коммуны, биографии видных коммунаров и т.д. (существенный вклад в изучение истории Коммуны внесли А. И. Молок и Н.Н. Молчанов.). Наиболее основательные работы выходили к юбилейным датам - 90-летию, 100-летию, 110-летию Коммуны. Вся эта литература, педантично следует оценкам Маркса, Энгельса, Ленина и иллюстрирует положения о необходимости слома буржуазной государственной машины и первом опыте диктатуры пролетариата.

В изучении социалистического движения конца XIX - начала XX вв. большая часть исследований посвящена истории Рабочей партии, особенно ее ранней стадии. На, основе материалов, хранящихся в ИМЭЛ, изучались деятельность и взгляды Жюль Гед и Поля Лафарга. Угол зрения исследования был резко критический, целиком продиктован ленинскими политическими оценками, Жюль Гед характеризовался как оппортунист и реформист. Особым было отношение к Жану Жоресу. В начале Жорес также подвергался резкой критике как "реформист". Заслуга в преодолении односторонней оценки принадлежит А. З. Манфреду. В ряде своих работ он обрисовал эволюцию взглядов Жореса и подчеркнул его роль в борьбе против военной опасности в последние десятилетия перед первой мировой войной.

В изучении внешнеполитической истории Франции наибольший интерес исследователей привлекла тема франко-русских отношений. В целом исследованиями охвачены важнейшие периоды их взаимоотношений: Франция и Россия в период революции 1789 г., дипломатические связи в наполеоновскую эпоху, франко-русские отношения в 20-30-х годах XIX в., Парижская Коммуна и Россия. Глубоким исследованием франко-русских межгосударственных отношений конца XIX в. является монография А. З. Манфреда "Образование франко-русского союза" (1975). Весьма богата источниковая база исследования (Манфред был одним из первых советских историков, получившим доступ к материалам французского МИДа). В работе рассматриваются геополитические, международные и экономические предпосылки союза двух стран. Красной нитью проходит идея об извечной ценности франко-русского союза, несомненно, навеянная опытом двух мировых войн.

После второй мировой войны существенно возросло число работ по новейшей истории Франции и расширилась их тематика. Главное внимание уделялось теперь войне и послевоенному периоду: движению Сопротивления, проблемам экономического развития страны, истории Четвертой и Пятой республик, новым социальным противоречиям. Деятельность историков 40-х - начала 50-х годов проходила в особенно неблагоприятных условиях и на их работах лежит сильный отпечаток

догматизма и политизации. Историки, вернувшись, по существу, к представлениям 20-х - начала 30-х годов стали называть социалистов "социал-предателями", "прислужниками американских империалистов". Во многих работах провозглашалось, что в годы Четвертой республики, утвердившейся после войны, происходила "фашизация страны", а к фашистам относились все правые партии. В особенно одиозной книге Н. И. Годунова заявлялось, что деятельность деголлевцев во время второй мировой войны была по существу направлена против национально-освободительного движения во Франции, а часть из них находилась на службе германской разведки.

Общее оживление общественно-научной жизни, наступившее с середины 50-х гг., благотворно сказалось и на изучении новейшей истории Франции. Созданные в конце 50-х и в 60-е годы новые научно-исследовательские центры: ИМЭМО, а затем ИМРД начали, планомерные исследования современного экономического и политического положения стран Запада, в том числе Франции. Благодаря новым органам научной периодики улучшились возможности публикаций по новейшей истории Франции. В работах 60-х - 80-х годов были исправлены некоторые ошибочные оценки прошлого, в частности, деятельности социалистов и голлистов, дана более реалистическая картина экономического и политического развития Франции. Заметным явлением стало завершение сводного труда "История Франции", третий том которого посвящен новейшей истории. В 1979 г. было издано учебное пособие "Новейшая история Франции", написанная профессором МГУ В. П. Смирновы. В центре внимания исследователей оказались проблемы развития монополистического капитализма, научно-технической революции, изменения социальной структуры, политики реформизма, а затем вопросы избирательного поведения и социальной психологии. Их разработкой занимались не только историки, но и экономисты, социологи и политологи. Под новым углом зрения освещается и история межвоенной Франции. Привлекла внимание работа известного специалиста по проблемам современной Франции Ю. И. Рубинского "Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919-1939)" (1973). Автор, стремясь выявить корни поражения Франции в 1940 г. приходит к выводу, что главные причины трагедии лежали в социальных противоречиях, раскалывавших французское общество на протяжении всего периода после первой мировой войны.

В исследованиях Ю. В. Егорова и Е. А. Кравченко была предпринята успешная попытка дать целостную картину истории Народного фронта на всем его протяжении и в масштабе всей страны. В центре исследований - борьба между партиями, входившими в Народный фронт: коммунистами, социалистами и радикалами. Основной ракурс анализа - стремление выявить исторический опыт борьбы левых сил для современной стратегии коммунистического движения. Ключевой работой в изучении одной из героических страниц истории Франции является монография В. П. Смирнова "Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны"

(1974). Автор показывает Соппротивление как общенародное движение, вобравшее в себя национально-освободительные, антифашистские и антимонополистические устремления.

В 60-х годах в трудах, прежде всего, сотрудников ИМЭМО начался пересмотр прежней концепции современного французского капитализма. Было признано, что французский монополистический капитализм утратил свой прежний ростовщический характер, обуславливавший устарелость и неразвитость промышленной базы страны. В 60-х годах была предпринята попытка преодолеть эти слабости на путях всесторонней трансформации экономики, в 70-х годах была сделана ставка на осуществление иного типа структуры преобразований - преимущественное развитие ограниченного числа отраслей экономики, наиболее связанных с научно-техническим прогрессом. Другим важным заключением исследователей было признание возросшей роли государства в экономической и социальной жизни Франции послевоенного времени. Отдельные звенья механизма реформистского государственного вмешательства, были также подвергнуты анализу.

Изучение экономического развития подкреплялось исследованием классов французского общества. Весьма детальному анализу подверглась структура рабочего класса (прежде всего, появление новых слоев рабочих, увеличение доли квалифицированных рабочих и техников), психология рабочих на предприятиях и в быту (в зависимости от уровня образования, профессиональной квалификации, участия в профсоюзах и т. д.). Первым многие из этих проблем поднял Г. Г. Дилигенский в книге "Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса" (1969). В центре исследования А. М. Салмина "Промышленные рабочие Франции. К изучению сдвигов в политическом поведении" (1984) - формирование политического поведения различных слоев рабочих, зависимость их политической культуры от множества факторов' (воздействия католической субкультуры, масскультуры и т. д.).

Исследованию структуры, психологии и методов господства французской буржуазии посвящена монография И. М. Бунина. Автор обращает внимание на усложнение структуры современной буржуазии: слабеют позиции традиционных буржуазных династий и на смену семейной собственности приходят новые формы собственности (акционерная и государственная), расширяется влияние технократических и менеджерских фракций. Усложняется взаимодействие государства и буржуазии - государство, более чутко реагируя на возникающие проблемы, при разработке социально-политического курса нередко опережает влиятельные группы буржуазии. В монографии Ю. Г. Трунского выдвигается и не бесспорное утверждение, что важнейшим процессом современной деревни Франции является концентрация производства и дифференциация крестьянства, усилившиеся с техническим переворотом и интеграцией Франции в западноевропейское сельское хозяйство.

В работе М. М. Наринского, посвященной истории Четвертой республики (1944-1958 гг.), автор, отбросив бытовавшие в историографии прежние

оценки об экономическом застое в стране, рассматривал первое послевоенное десятилетие как время важных перемен: превращение Франции в развитую индустриальную державу и создание новых социальных структур. В этом же ракурсе рассматривается социально-политическое развитие Пятой республики в книгах Э. А. Арсеньева и В. В. Люблинского.

Историки неоднократно обращались к событиям 1968 г., оценивая их как борьбу против монополий, движение за социальную справедливость. Существенным вкладом в изучении этой темы является исследование С. Г. Айвазовой "Левый радикализм в идейно-политической жизни Франции, 1958-1981" (1986). Работа посвящена деятельности леворадикальных групп, прежде всего их идеологии, впитавшей в себя значительные элементы антибуржуазной критики.

Немало работ посвящено истории французской компартии. Крайняя идеологизация приводит к апологии компартии: деятельность ее рисуется как безошибочная, подчас преувеличивается влияние в массах. Из работ, относящихся к первым годам деятельности Французской Коммунистической партии, отметим хорошо документированные исследования З. В. Чернухи и Л. М. Зак.

В сфере интересов исследователей находятся также и другие партии. Изданы монографии по истории Социалистической партии, Республиканской, радикалов и радикал-социалистов; подход к ним зачастую носит резко критический характер. Усилилось внимание к голлизму. Работа Н. Н. Молчанова "Генерал де Голль" (1972) - первая в отечественной историографии биография де Голля, в которой он рассмотрен как выдающийся государственный деятель Франции. Новые штрихи к портрету де Голля, особенно в части его отношения к Советскому Союзу, добавляет работа В. И. Антюхиной-Московченко. В области новейшей истории перемены особенно зримо обозначились в изучении современной политической истории. Если раньше в центре внимания была компартия, то теперь на первом плане партия правого толка — голлисты. Очень авторитетно в этой области исследование Г. Н. Новикова "Голлизм после де Голля. Идейная и социально-политическая эволюция. 1961-1981" (1984). Начиная историю голлистского движения с дней Соппротивления, автор анализирует социальную базу и идейные истоки голлизма. Голлизм характеризуется как национально-патриотическое движение, соединившееся с защитой буржуазии своих классовых интересов. В ходе развития голлисты выработали также ряд гибких реформистских принципов. Отдельные стороны этой большой темы получили удачное развитие в работах М. Ц. Арзаканян "Голлисты на пути к власти" (1990), Н. Н. Наумовой "Голлизм в оппозиции" (1991).

Большое внимание в историографии этого времени уделялось проблеме распада французской колониальной империи. Известность получила серия работ П. П. Черкасова, в которой прослежены основные кризисные моменты распада и влияние колониальных войн на внутреннее положение Франции. Автор рассматривает методы так называемого неокOLONIALИЗМА,

позволившие Франции сохранить прочные позиции во многих развивающихся странах.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ.Ф.СКОРИНЫ